

УДК 811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА
ТОМСКА КАК ФРАГМЕНТА СУБКУЛЬТУРНОЙ
КАРТИНЫ МИРА ГОРОЖАНИНА В СОВРЕМЕННОМ
ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ**

М.О. Абдрашитова

Абдрашитова Мария Овсевна, канд. филол. наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков Института стратегического партнерства и компетенций Томского политехнического университета (Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 30).
E-mail: abdrashitova@tpu.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью выявления восприятия города носителями современной культурной традиции. Вследствие понимания фольклора как динамичного социокультурного образования, фиксирующего современное состояние общества, утверждается его способность отражать определенное представление знаковых фрагментов картины мира современного горожанина. Одним из компонентов мировидения является образ родного города, особым образом высвеченный в жанре легенды. Наличие собственного видения пространства города позволяет

современному человеку ориентироваться в своем пространстве, а также выступать его самоидентифицирующим фактором. Цель работы – описать образ городского пространства, актуализируемого в фольклорных текстах легенд о Томске, как фрагмента субкультурной картины мира современного горожанина. В работе применяется комплексный методологический подход, что обусловлено междисциплинарным характером исследования. Основным методом выступает лингвокогнитивный метод, дополненный методами и приемами лингвистического анализа (приемы структурного и филологического, семантического и контекстуального анализа). В результате исследования выявлены особенности репрезентации образа города Томска, представленные в сознании носителя современной культуры. Отраженный в жанре легенды фольклорный портрет города содержит в себе особые образы важных элементов городского пространства: водоемов, географических особенностей территории, номинации улиц, площадей, зданий и памятников. Каждый элемент городской картины мира наделен особым семиотическим и аксиологическим статусом. Определенное восприятие города маркирует представителя городской культуры как члена данного субкультурного социума.

Ключевые слова: Томск, городское пространство, легенда, фольклорный дискурс, картина мира.

Дискурсивная перспектива в подходе к языку во многом обусловила возможность изучения существующих языковых явлений в новом ключе, одним из которых является фольклор. Дискурсивному описанию фольклора посвящен ряд работ исследователей (см.: [1, 2, 3, 4] и др.). Реализуясь как тип дискурса, фольклор характеризуется как динамичное образование, чутко реагирующее на изменение социокультурной ситуации. Он предстает как коллективная коммуникативная деятельность особого типа, характеризующаяся социальной целенаправленностью и обусловленная внеязыковыми факторами. Продуктом коллективной коммуникативной деятельности является связный эстетически обработанный текст, отражающий особое мировосприятие фольклорного коллектива. Репрезентируемое в фольклорном дискурсе представление действительности содержит в себе поведенческие стандарты в типичных жизненных ситуациях, этические нормы.

Условия бытования фольклорного дискурса в современности (в отличие, например, от традиционного фольклорного дискурса) характеризуются рядом особенностей. Так, отмечается зарождение традиции «собственно урбанистической культуры, традиции, полностью оторванного от земли населения. Ослабляется зависимость человека от природных условий (прежде всего – от смены сезонов), что приводит к забвению календарно-обрядового фольклора» [5. С. 28]. Отмечается смещение культурного центра из деревенской среды в городскую.

Город в современной культуре предстает как «пространство, в котором разрешается то, что запрещено в повседневной жизни. В восприятии социальных низов «иное царство» ассоциируется с вечным праздничным разгулом как осуществлением мечты землевладельца. Соотносясь с праздником, город связан с сакральным пространством, а, следовательно, с простран-

ством обитания предков, т. е. загробным миром... город выступает как пограничная зона между сакральным и мирским, между праздничным и обыденным, между утопичным и реальным. Для города в данном смысле характерно формирование «лиминария», или личности, которая находится в переходной ситуации» [6. С. 82]. Это неизбежно влечет за собой то, что социум наделяется признаками раздробленности, «в городской культуре формируется ряд “закрытых” традиций, порожденных потребностью в идентификации и самоидентификации членов тех сообществ, которые стремятся к культурной изоляции, что приводит к возникновению специфических культурных кодов и текстов, бытующих внутри подобных сообществ» [7. С. 113]. Городское пространство становится местом, где процесс социализации личности протекает одновременно в нескольких социумах, каждому из которых присуще свое мировосприятие. В фольклорном дискурсе это отражается в формировании и функционировании множества дискурсивных картин мира, каждой из которых свойственно особое отражение действительности и каждая из которых реализуется в отдельно взятой субкультурной среде.

Подобная мозаичность картин мира, параллельно функционирующих в сознании носителей современной культуры, лишает представителей фольклорного коллектива устойчивой системы представления о мире. Идентификация принадлежности индивида к определенному социальному сообществу может осуществляться путем актуализации в его сознании особых культурных знаний, функционирующих внутри отдельно взятого коллектива. Ситуация разрозненности систем миропонимания, представленных в современном фольклорном дискурсе, детерминирует необходимость изучения фольклорных текстов не столько в связи с их своеобразием, сколько в связи с особенностями способа их «коллективного получения и передачи, а также с их прагматической функцией (прагматическая сторона фольклора проявляется в том, что он функционирует как набор форм, позволяющих индивиду и коллективу ориентироваться в своем культурном пространстве)» [8].

Реализация идентификационной функции фольклорного дискурса может осуществляться в наборе его жанровых форм по-разному. Это обусловлено тем, что каждый жанр по-своему репрезентирует общепольклорные когнитивные установки, моделирует особую картину мира. При этом в условиях нового времени в системе фольклорных жанров наблюдается ряд изменений, заключающихся в исчезновении одних жанровых форм (например, духовных стихов), и рождении других, отвечающих требованиям времени (например, в арсенале современного фольклора отмечается появление детских коротких стишков – ужастиков, детских анекдотов). Однако наиболее частотно наблюдается процесс модификации традиционного жанра (например, современный жанр пословиц и загадок), где в существующие фольклорные формы помещается новое содержание. Подобная трансформация позволяет традиционному жанру реализовывать актуальную культурную информацию, в целом сохраняя свои традиционные установки. Как отмечает Н.А. Хренов, самое главное, чтобы то, о чем повествуется посредством данных жанровых форм, «укладывалось в рамки коллективной души» [9. С. 30]. Таким образом, к современному фольклорному дискурсу относятся традиционные фольклорные тексты, бытующие в современной культурной традиции, а также вновь появившиеся фольклорные произведения, функционирующие по законам фольклора.

В качестве обязательных признаков фольклорного произведения укажем его вариативность, устность, анонимность. Отметим, что, несмотря на изменение среды циркуляции фольклорных текстов, одним из основных их свойств все же остается устный канал трансляции. «Существование фольклорных форм <...> отличается устностью, под которой следует понимать не просто канал связи, но особый механизм трансляции культуры» [10. С. 14].

В центре нашего внимания находится легенда как жанр фольклорного дискурса, проявляющий свою актуальность в современной социокультурной ситуации и отражающий ментальные ориентиры современного социума.

Целью данной статьи является выявление специфики репрезентации образа Томска как фрагмента субкультурной картины мира горожанина.

Материалом послужили тексты современных легенд о городе и его жителях, представленные в городской культурной среде Томска. Тексты взяты из личной коллекции автора, а также из городского интернет-контента.

Изучению жанра легенды посвящены научные труды исследователей (см.: [11–15] и др.). В данной статье легенда трактуется нами как несказочное фольклорное произведение, в котором представлены возможные или реальные события, происходившие в прошлом. К установкам данного фольклорного жанра относится возможность представления какого-либо необычного события в сочетании с реальным положением дел. Комбинирование правды и вымысла повествования позволяет жанру легенды проявлять ориентацию на относительную правдоподобность рассказываемого, во многом за счет включения в описание событий регионального и мирового масштаба, указания на локальные и временные характеристики действий.

Одной из основных функций жанра легенды является дидактическая, согласно которой в легенде представлено некоторое событие и ряд возможных неблагоприятных последствий. В легенде репрезентирован алгоритм поведения в определенных ситуациях, предписываемый носителям культуры. Необходимость соблюдения сценария поведения в ситуациях микрокосмоса часто подкрепляется в легендах актуализацией чувства страха и бессилия человека перед враждебным миром. Можно говорить о том, что одной из ключевых установок изучаемого жанра также является оказание сильного эмоционального воздействия на слушателя, достигаемое территориальной и временной соотнесенностью рассказчика и его слушателей с событиями и героями, о которых в них повествуется.

Легенды как фольклорный повествовательный жанр отличаются большой степенью размытости организации. Каждая легенда – своеобразна. Однако все они обладают особой «гибкостью». Суть легенды, как правило, подтверждает, а не противоречит уже устоявшимся взглядам, повериям и суждениям этноса. «Создавая символическую реальность, охватывающую верования и ценности, легенда не только поддерживает собственную действенность в устной традиции, но и усиливает используемые верования» [16. С. 30–31].

Интересна в этом смысле и роль рассказчика, который рассказывает поучительную, на первый взгляд, правдоподобную историю о былых событиях, привлекая эстетическую форму. Одновременно с поучением рассказчик стремится вызвать у слушателя разнообразные эмоции. Поскольку жанр легенды является фольклорным, принадлежит устной традиции, его отличительной чертой выступает возможность обмена ролями между рассказчиком и слушателем. В связи с тем, что основные сюжеты легенды характеризуются доступностью, распространенностью, известностью многим носителям культурной традиции, в процессе повествования факты могут опровергаться или подтверждаться слушателями. Возможны также отступления от повествования, совершаемые аудиторией, и наиболее часто доказывающие правдивость рассказываемого. Как отмечает Г. Батлер, легенда характеризуется разговорностью. «В виду того, что повествование не задается какой-либо формулой, разговорная природа легенды добавляет правдоподобия повествованию, обеспечивая функцию переподтверждения верований» [17. С. 71]. Следование культурной традиции, а также интерес людей вне зависимости от социального статуса, возраста, образования к тайному, неизведанному и одновременно близкому обуславливает популярность исследуемого жанра.

Таким образом, современные легенды характеризуются включенностью в культурную традицию. На них оказывают воздействие и другие культурные формы, а также социальный контекст. В процессе повествования рассказчик, передавая социально значимую информацию, выстраивает свою в основном близкую и характерную для носителя культуры – обычного горожанина – систему ценностей, вписывая рассказываемое в систему оценок, норм и таким образом формируя отношение представителей культуры к какому-либо действию или событию. В легендах могут быть отражены некоторые социальные проблемы, которые требуют незамедлительного решения. Современные легенды о городе могут выступать своего рода механизмом, при помощи которого возможно сформулировать, озвучить социальную проблему, а также оказать некоторое влияние на социум в плане ее обсуждения и возможного решения.

В связи с тем, что легенда представляет собой эстетически обработанный текст, образы, привлекаемые и описываемые в ней, носят субъективный характер. Они, как правило, «переводят географическое пространство из области охватываемого восприятием в область охватываемого воображением» [18. С. 264], в результате чего «открываются пути для намеренного изменения доминантно-географического контекста, возможности конструирования новых реальностей мест» [там же]. Место в данном случае понимается не столько как определенная террито-

рия в системе координат реальной действительности, сколько как пространство, точка переплетения ментальных культурных установок, традиций, где географические локальные образы представляют собой сгустки символов и стереотипов, свойственные культурной традиции. Пространство города в данном случае воспринимается носителем современного культурного сознания как «котел текстов и кодов, разноуровневных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [19. С. 453]. Он предстает как система взаимосвязанных между собой культурных кодов. «Внешнее городское пространство в сознании горожанина наполняется внутренним содержанием. Объекты городского пространства предстают как семиотически нагруженные, поскольку они семиотически взаимодействуют с желаниями, представлениями, установками индивидуума или коллектива, отдельной социальной группы» [20. С. 18–19]. Актуализация данных культурно-географических образов является кодом, детерминирующим принадлежность горожанина к данной субкультуре, функционирующей в определенной географической местности. Знание локальных, региональных культурных контекстов, мифов во многом является необходимым условием идентификации индивида как носителя субкультурной региональной традиции.

В результате проведенного исследования нами был выявлен образ Томска, в котором отражены географические, территориальные, архитектурные ипостаси городского пространства в сочетании с культурно насыщенными смыслами. В тексте легенд элементы городского пространства наделяются аксиологическим содержанием, хранят в себе особую мифологию. Как отмечает Р. Барт, «внешний мир поставляет мифу некоторую историческую реальность, и, хотя ее возникновение может относиться к очень давним временам, она определяется тем способом, которым была произведена и использована людьми; миф же придает этой реальности видимость естественности» [21. С. 78]. Присутствие мифологического компонента в легендах маркировано множественностью регулярно повторяемых и актуализируемых в текстовом континууме мифологем, образов, мотивов. «Миф историчен – он рождается в пределах определенной культуры как ее непосредственный элемент <...>, и он есть элемент непосредственной коммуникации, которая реализуется «здесь и сейчас». Миф репрезентируется вербально, прежде всего в системе мифологем – мифологических образах, мотивах, имеющих регулярно воспроизводимые текстовые репрезентации» [22. С. 77].

На «фольклорной» карте города, репрезентируемой в современных легендах, знаковыми становятся образы водоемов, расположенных в пределах города и пригорода, центральных площадей и улиц, зданий, архитектурных памятников и монументов, мест, связанных с известными людьми.

Посредством описания географического ландшафта (*возвышенное положение города, расположение на горе*), нахождения по отношению к водоемам (*между двух рек, на междуречье*) Томск вписан в общую ментальную карту сибирского региона и российского пространства в целом. Возвышенное географическое положение города мотивирует бытование легенд о нахождении города на древнем вулкане. Так, согласно легенде, *территория города Томска находится на древнем вулкане, что объясняет расположение города на возвышенности. Согласно исследованиям данной местности, обрывистые склоны Лагерного Сада являются остатками стенки вулкана, действующего несколько веков назад (из личной коллекции автора)*.

Результаты исследования показали, что ключевыми образами в описании города Томска являются образы рек (*Томь, Ушайка, Басандайка*). Образы водных пространств, отраженные в легендах, участвуют в актуализации ситуации неразделенной или запретной любви между девушкой и молодым человеком, приведшей к трагической гибели одного из возлюбленных. В данном случае структурирование пространства города осуществляется посредством актуализации системы семиотических оппозиций, основной их которых является оппозиция «свое/чужое» пространство. «Свой» мир – это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных социуму объектов. «Чужой» – малопонятный, неизвестный, нерасчлененный, опасный» [23. С. 88]. Как правило, вода представляет собой «чужой» мир. Смерть героини в водном пространстве детерминирует уход в мир непознанного, темного. При этом в легендах, актуализирующих номинации озер (*Белое озеро, Копыловское озеро*), вода как представитель «чужого» мира выявлена в меньшей степени. Наряду с враждебностью и опасностью водного пространства в легендах отмечается, что озера в рамках города и пригоро-

да осмысливаются культурным сознанием как более освоенная территория. Так, по одной из легенд, *Белое озеро называется белым ввиду его окружения белыми березами или белой рыбой, населяющей водоем*. Частотны упоминания об использовании озерных вод для хозяйственных нужд горожан (*коней напоил и сам напился, людей напоили*).

В текстах современных легенд выявлено, что Томск осознается представителями культуры как город многонациональный. «В городских текстах разной жанровой спецификации активно эксплуатируется образ психологического пространства. Насыщаясь мифологическими коннотациями, Томск интерпретируется как место, в котором жители веротерпимы, готовы к сотрудничеству и проявляют по отношению друг к другу такое важное качество, как толерантность» [24. С. 26–27]. Наличие церквей, мечети, синагоги, практически соседствующих друг с другом в центре города, во многом свидетельствуют о высоком культурном уровне горожан, их толерантности по отношению к другим национальностям и религиям, каждая из которых вносит свой вклад в становление и развитие города Томска. Так, в одной из легенд повествуется о том, что *«раньше Белое озеро называлось Ак-кул, что по-татарски значит белое, чистое. По преданию, выкопал его татарский вождь Эушта, который пас на высокой горе табун лошадей <...>. Лошади без воды начинали болеть и слабеть. Подумал Эушта и решил, что надо вырыть озеро. Весь день трудился Эушта и ему удалось сделать большой котлован, который тут же заполнился водой. Так среди березовой рощи на высокой горе появилось озеро. Говорят, что именно с этого места начал разрастаться город Томск»* (из личной коллекции автора).

Использование в текстах легенд номинаций некоторых архитектурных объектов города может актуализировать в сознании носителя культуры чувство страха и беспомощности перед мистическими силами. Так, существуют легенды *о доме Асташевых, населенном привидениями. Люди, посетившие этот дом, рассказывают о привидениях – умершей чете Асташевых, предлагающей послушать рассказы об их жизни и лишаящих некоторых гостей дара речи* (из личной коллекции автора). В данном случае постулируется, с одной стороны, невозможность человека оказать влияние на собственную жизнь в ситуации столкновения с потусторонним миром, с другой, необходимость придерживаться определенных правил поведения по отношению к ним.

На «фольклорной» карте города Томска запечатлены также знаковые улицы и площади города (*Соляная площадь, улица Ленина, Кузнечный мост, Воскресенская гора, Лагерный сад, Главпочтамт, улица Розы Люксембург*). Каждое из этих мест соотнесено с определенными необычными событиями. Так, в легендах площадь Соляная предстает как место выпадения необыкновенно большого количества осадков (*снежные сугробы закрыли прилавки, и весь снег стал соленым. Долгое время еще эту площадь называли Солено-снежная*). Воскресенская гора стала *местом обитания дракона, спасающего население города от пожаров и вражеского нашествия* (из личной коллекции автора).

Актуализация номинаций городских площадей и улиц обусловлена в основном активным функционированием в городской культуре легенд о подземельях Томска, расположенных под центральными улицами города. Являясь одним из самых распространенных сюжетов городских легенд, описание тайных подземных ходов носит достаточно подробный характер. Это связано с установками жанра, направленными на видимую правдоподобность повествования (*может проехать тройка лошадей, глубокие, темные, метра три шириной, стены укрепленные камнями или деревянными досками*). Кроме того, в текстах легенд часто представлены номинации знакомых рассказчику лиц, обнаруживших тайные ходы (*друг моего друга, мой знакомый, мой прадед*). В качестве причин возникновения подземных ходов указывается необходимость жителей Томска тайно покинуть город (*один из ходов вел из города на другой берег реки Томи*), захоронения людей (*по одной из легенд в одном из ходов стояли закрытые гробы*), или хранения богатств (*в подземельях стояли сундуки с сокровищами, ценные экземпляры книг*). Так, по одной из легенд, *под Домом ученых, расположенном в центре города, находятся подземные ходы, по которым в прошлом веке передвигались и прятали наиболее ценные экземпляры книг из своих библиотек известные ученые* (из личной коллекции автора). В легендах о подземельях также наблюдается реализация семиотической бинарной оппозиции «свое/чужое» пространство. Согласно фольклорным представлениям, подземелье соотносится с «чужим» миром. Этим, по-видимому, мотивированы такие характеристики подземного пространства, как неиз-

вестность, таинственность, враждебность. Так, в томских легендах рассказывается о людях (*сын полковника, полковник, геологи, местные мальчишки, знакомый*), которые погибли в подземельях под городом, однажды попав в них. Отметим также, что неугасающий интерес в изучении вопроса тайных ходов, расположенных под городом, и достаточно правдоподобное повествование легенд во многом обусловили популярность романа-хроники «Томские трущобы», написанного в начале прошлого века В.В. Курицыным, а также регулярное появление заметок в современных региональных средствах массовой информации о необходимости изучения этого вопроса. Как отмечал томский краевед В.З. Нилов, мифы, связанные с городом, «утрачивают статус анекдота и потихоньку занимают в сознании горожан место реальных событий» (цит. по: [25. С. 21]).

Стереотипное видение Томска, представленное в текстах легенд, актуализирует также образы зданий, архитектурных памятников, построек (*здания университетов, университетская роща, Дом ученых, памятник «Младенец в капусте», памятник беременной женщине у Медицинского университета*). В процессе моделирования культурно-географического образа города во многом участвуют мифологические представления. В связи с этим в жанре легенды наблюдается регулярная актуализация регионального мифа, маркирующего Томск как один из основных научно-образовательных центров страны. В текстах легенд упоминаются университетские корпуса, университетская роща, памятник святой Татьяне (покровительнице студенчества). При этом в соотношении с жанровыми установками в легенде привычные места, знакомые люди становятся «участниками» или «очевидцами» сверхъестественных событий. Так, согласно одной из легенд, университетская роща является опасным местом для одиноких путников. *Говорят, в университетской роще когда-то видели стаю необычных собак, которые были выведены сотрудниками бактериологической лаборатории «Вирион» или студентами биолого-почвенного факультета*. Правдоподобность легенды подкрепляется определенными географическими координатами описываемых фактов и событий – упоминание бактериологической лаборатории медицинского центра «Вирион», биолого-почвенного факультета Томского государственного университета, университетской рощи, находящейся поблизости, что позволяет моделировать в сознании носителей культуры соответствующий образ рощи. Узкие тропинки между корпусами университета, множество деревьев во многом способствуют созданию особой таинственной и одновременно враждебной атмосферы данного места.

Специфично в фольклорном дискурсе и изображение городских памятников. В системе фольклорных произведений разных жанров, посвященных городу Томску, было отмечено неоднократное соотношение жанров легенды и приметы, которые включают в свое содержание представление одного и того же явления. Каждый жанр актуализирует в описании событий свои установки. Так, при отражении события, описываемого в жанре легенды, семиотические представления о нем характеризуются эксплицитностью, открытостью. В то же время в жанре приметы эти связи остаются скрытыми, имплицитными. Данная специфика детерминирована самой природой жанра примет, где они представляют собой «предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме [26. С. 34]. Примета предстает в виде системы запретов, лежащих в основе отношений человека с потусторонним миром. Следование данным правилам и соблюдение запретов является залогом безопасного существования человека в мире. Так, согласно легенде, *женщина, которая первая прикоснулась к капустному мальчику, установленному на проспекте Ленина, вскоре забеременела*. При этом соответствующая примета гласит: *чтобы забеременеть, женщины обычно вяжут ленточки и прикасаются к памятнику «Беременной», который стоит у клиник СибГМУ [там же]*. Кроме того, существуют легенды и приметы, связанные с памятником святой Татьяне. Согласно легенде, *святая Татьяна по сей день продолжает молиться за томское студенчество*, в то время как в примете отмечается, что *для удачного завершения сессии студентам предписывается прикоснуться к памятнику (из личной коллекции автора)*.

В фольклорный портрет Томска могут включаться представления, актуализируемые в сознании его жителей и гостей города – известных людей, когда-либо посетивших Томск. Центр города – проспект и площадь Ленина, набережная Томи с памятником А.П. Чехову – организует культурный центр губернаторского квартала. Эти места также являются знаковыми для Томска, получившими отражение в легендах. Так, *писатель А.М. Волков, приехав на учебу в*

педагогический институт из Казахстана, прогуливаясь по центру города, назвал Томск Изумрудным городом, в то время как А.П. Чехов, потеряв из-за плохих томских дорог свою калашу в районе набережной Томи, напротив, отзывался о Томске и как об унылом городе с плохими дорогами и отменными обедами.

Итак, в соответствии с нагруженным культурным контекстом на первый план выходят географические, исторические и архитектурные образы, повествующие о событиях прошлого, которые имеют видимые последствия в настоящем. Город предстает как система культурных кодов, свойственных субкультурной традиции. В картине мира моделируется представление о родном городе как о месте, имеющем определенный природный ландшафт: расположенный на возвышенности между двух рек. Структуру городского пространства организует его центр с ведущими университетами и университетской рощей. Под центральными улицами и площадями города проходят тайные подземные ходы. Жители города проявляют толерантность, веротерпимость по отношению к другим религиям и национальностям. Город характеризуется густой растительностью и плохим качеством дорог.

Каждый элемент фольклорной карты города имеет свои аксиологические ориентиры, стабилизирующие установки культурной традиции. Водное, подземное пространства, а также лесопарковые зоны представляют определенную опасность для человека, детерминированную возможным негативным воздействием потустороннего мира. Образы архитектурных памятников и монументов служат выполнению прагматической функции. Посредством легенд (часто в сочетании с жанром примет) путем обращения к мистическим силам актуализируется знание о способности человека оказать влияние на собственную судьбу.

Таким образом, в жанре легенды отражаются установки, детерминирующие моделирование определенного образа родного города в целом и отдельных его элементов в частности. Особый портрет города и его пространства является определенным культурным кодом, знание которого выступает средством маркирования горожанина в процессе его идентификации как жителя города Томска.

Работа выполнена при финансировании РГНФ № 13-14-70003

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухарова Г. Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2009. – 50 с.
2. Колистратова А.В. О некоторых особенностях современного фольклорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 13, Т. 1. – С. 134–139.
3. Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2011. – 46 с.
4. Эмер Ю.А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1. – С. 91–99.
5. Щепанская Т. Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 27–34.
6. Хренов Н.А. Балаган в традиционной культуре: миф, пространство, время // Славянская традиционная культура и мир: Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 3. – М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 1999. – С. 76–91.
7. Неклюдов С.Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: звук, слово, образ. – М., 2003. – С. 108–119.
8. Ратникова И. Э. Современный фольклорный дискурс: социолингвистический аспект. URL: http://www.surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=%20296&Itemid=146 (дата обращения: 23.09.2014).
9. Хренов Н.А., Каргин А.С. Традиционные досуговые ценности в их исторических и современных формах функционирования // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: сб. науч. тр. – Вып. 7.: Традиционные формы досуга: История и современность. – М., 1996. – С. 8–35.

10. Абдрашитова М.О. Своеобразие современного городского фольклора (на материале жанра загадки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (31): в 2 ч. Ч. 1. – С. 13–15.
11. Алпатов С.В. Повествовательная структура легенды: (Кн. источники и поэтика фольклорных сюжетов об искушении): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 192 с.
12. Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 303 с.
13. Dorson R.M. America in legend: Folklore from the colonial period to the present. – NY: Pantheon Books, 1973. – 336 p.
14. Nicolaisen W.F.H. Perspectives on contemporary legend // Fabula. – 1985. – № 26. – P. 213–218.
15. Tangherlini R.T. It happened not too far from here // Western Folklore. – 1990. – V. 49. – № 4. – P. 371–390.
16. Никитин М.В. Реализация концепта «страх» в сценариях городской легенды. – Челябинск, 2002. – 196 с.
17. Butler G.R. Participant interaction, truth and belief in the legend process // Culture and Tradition. – 2011. – V. 5. – P. 67–78.
18. Замятина Н.Ю. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Сер. География. – 2002. – № 5. – С. 32–37.
19. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
20. Эмер Ю.А. Пространственная модель города в фольклоре // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 1(13). – С. 18–24.
21. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72–130.
22. Резанова З.И. Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // Язык и культура. – 2010. – № 1. – С. 77–84.
23. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Современная сибирская деревня в фольклорном отражении (лингвокультурологическое описание) // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 86–92.
24. Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. Особенности восприятия концепта «Толерантность» как репрезентанта томской городской картины мира: опыт экспериментального описания // Язык и культура. Приложение. – 2013 – № 2. – С. 24–36.
25. Резанова З.И. Семиотическая репрезентация национально-культурной идентичности в тексте города // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 3 (7). – С. 19–26.
26. Тонкова Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2012. – 189 с.

REFERENCES

1. Buharova G.H. Bashkirskiy narodnij epos “Ural-Batir”: kognitivno-diskursivnij i konseptualnij analiz. Dokt. Diss. [Bashkir folk epos “Ural-Batir”:cognitive-discursive and conceptual analysis. Dr. Diss.]. Ufa, 2009. 50 p.
2. Kolistratova A.V. O nekotoryh osobennostyah sovremennogo folklornogo diskursa [About some specifications of modern folklore discourse] // Vestnik irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012, no. 13.V.1., pp.134–139.
3. Semenenko N.N. Kognitivno-pragmaticheskaya paradigma paremicheskoy semantiki (na material russkogo jazika). Dokt. Diss. [Cognitive-discursive paradigm of proverbial semantics. Dr. Diss.]. Belgorod, 2011. 46 p.
4. Emer U.A. Folklornij concept: zhanrovo-diskursivnij aspect [Folklore concept: genre-discursive aspect] // Tomsk State University Journal. 2010, no.1, pp. 91–99.
5. Shchepankaya T.B. Tradicii gorodskih subkultur [Traditions of urban subcultures] // Sovremennij gorodskoj folklore. 2003, pp. 27–34.

6. Hrenov N.A. Balagan v tradisionnoj culture: mif, prostranstvo, vremena [Balagan in traditional culture: myth, space and time] // Slavyanskaya tradisionnaya kultura I mir: Sb.m materialov nauchno-prakticheskoy konferencii. 1999. no. 3, pp. 76–91.
7. Nekludov S.U. Spetsifika slova i teksta v ustnoj traditsii [The specifics of word and text in oral tradition]// Evrazijskoje prostranstvo: zvuk, slovo, obraz. 2003, pp. 108–119.
8. Ratnikova I.E. Sovremennij folklornij diskurs: sotsiolingvističeskij aspekt [Modern folklore discourse: socio-linguistic aspect]. Available at http://www.surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=%20296&Itemid=146 (accessed: 09 September 2014).
9. Hrenov N.A., Kargin A.S. Traditsionnie dosugovie tsennosti v ih istoričeskikh i sovremennij formah funkcionirovaniya [Traditional leisure values in their historic and modern forms of functioning] // Sohranenie i vrozozhdenie folklornih traditsij. 1996. no. 7. pp. 8–35.
10. Abdrashitova M.O. Svoeobrazie sovremennoego gorodskogo folklora (na materiale zhanra zagadki) [Specifics of modern urban folklore (exemplified in the genre of riddles)] // Filologičeskije nauki. Voprosi teorii i praktiki. 2014, no. 1 (31), pp. 13–15.
11. Alpatov S.V. Povestvovatel'naya struktura legend. Kand.Diss. [Narrative structure of legends. Cand. Diss.]. 1998, 192 p.
12. Majer A.S. Moskovskie gorodskie legendi kak istoričeskij istočnik: istoričeskaya pamyat i obraz goroda. Kand. Dis. [Moscow urban legends as historic resource and the image of the city. Cand. Diss.]. 2008, 303 p.
13. Dorson R.M. America in legend: Folklore from the colonial period to the present. NY: Pantheon Books, 1973, 336 p.
14. Nicolaisen W.F.H. Perspectives on contemporary legend // Fabula, 1985, no. 26, pp. 213–218.
15. Tangherlini R.T. It happened not too far from here // Western Folklore, 1990, vol. 49, no. 4, pp. 371–390.
16. Nikitin M.V. Realizatsiya koncepta "strah" v stsenariyah gorodskoj legend. [Realization of the concept "Fear" in the plots of urban legend]. Chelyabinsk, 2002. 196 p.
17. Butler G.R. Participant interaction, truth and belief in the legend process // Culture and Tradition, 2011, no. 5, pp. 67–78.
18. Zamyatina N.U. Kognitivnie prostranstvennie sochetaniya kak predmet geograficheskikh issledovanij [Cognitive spatial combinations as object of geographical research] // Izvestiya RAN, 2002. no. 5, pp. 32–37.
19. Lotman U.M. Semiosfera [Semiosphere]. SPb, 2000, 704 p.
20. Emer U.A. Prostranstvennaya model goroda v folklore [Spatial model of the city in folklore] // Tomsk State University Journal, 2014, no. 1(13), pp. 18–24.
21. Bart R. Izbrannie raboti: Semiotika. Poetika. [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994, pp. 72–130.
22. Rezanova Z.I. Mifologema "Tomsk – Sibirskie Afini" v kommunikativnih taktikah publističeskogo diskursa (na materiale ezhenedelnoj periodiki g. Tomsk) [Mythologema "Tomsk – Siberian Athens" in communicative tactics of publicistic discourse] // Language and Culture, 2010, no. 1, pp. 77–84.
23. Tubalova I.V., Emer U.A. Sovremennaya sibirskaya derinya v folklornom otrazhenii (lingvokulturologičeskoe opisanie) [Modern Siberian village in folklore reflection (lingvo-cognitive description)] // Tomsk State University Journal, 2007, no. 294, pp. 86–92.
24. Ermolenkina L.I., Kostyashina E.A. Osobennosti vospriyatiya koncepta "Tolerantnost" kak reprezentanta tomskoj gorodkoj kartini mira: opit eksperimentalnogo opisaniya [Peculiarities of perception of the concept "Tolerance" as a representative of Tomsk urban world view: the attempt of experimental description] // Language and Culture. Appenix. 2013. no. 2, pp. 24–36.
25. Rezanova Z.I. Semiotičeskaya reprezentatsiya natsionalno-kulturnoj identičnosti v tekste goroda [Semiotic representation of nation-cultural identification in the urban text] // Tomsk State University Journal, 2012, no. 3 (7), pp. 19–26.
26. Tonkova E.E. Narodnaya primeta s pozitsij lingvokognitivistiki i lingvokulturologii. Kand. Diss. [Folk superstition from lingvo-cognitive and lingvo-cultural positions. Cand. Diss.]. Belgorod, 2012. 189 p.

Поступила 13.03.2015 г.